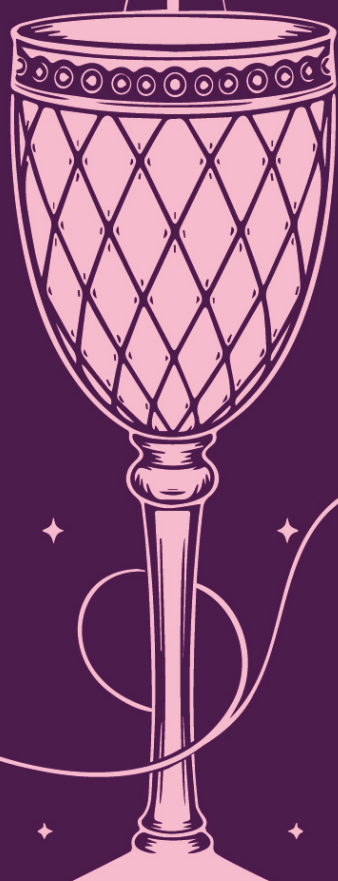

МАРИЯ КОРЕЛЛИ

Молодость Дианы
Эксперимент
будущего

Магистраль. Главный тренд

Мария Корелли

**Молодость Дианы.
Эксперимент будущего**

«ЭКСМО»

1918

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Корелли М.

Молодость Дианы. Эксперимент будущего / М. Корелли —
«Эксмо», 1918 — (Магистраль. Главный тренд)

ISBN 978-5-04-246121-7

Впервые на русском языке! Незамужняя Диана Мэй, перешагнувшая сорокалетний рубеж, ощущает себя тяжелой обузой для богатых, равнодушных родителей, и изгоем в обществе, где правят молодость и красота.

Инсценировав собственное утопление, она откликается на загадочное объявление швейцарского учёного, обещающее рискованный эксперимент по омоложению. Эксперимент удаётся, Диана преображается в ослепительную юную красавицу, пленяет сердца, но у чуда есть цена, которую придётся заплатить. «Молодость Дианы. Эксперимент будущего» – это мистический роман, пронизанный сатирой на светские нравы начала XX века с элементами научной фантастики. Мария Корелли (1855–1924) – один из самых продаваемых британских писателей поздней Викторианской и Эдвардианской эпохи. Продажи ее книг превышали совокупные продажи произведений ее современников, например, Артура Конан Дойла, Герберта Уэллса и Редьярда Киплинга. Однако патриархальное общество не могло простить такой успех и гениальность женщины, потому что критики часто писали ругательные и высмеивающие рецензии на ее произведения. Она написала 25 романов, большинство из которых стали феноменальными бестселлерами того времени, например, «Скорбь сатаны», «Вендетта. История одного позабытого». Основу ее произведений составляют романтика, спиритуализм, мистицизм, фэнтези, научная фантастика.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-246121-7

© Корелли М., 1918

© Эксмо, 1918

Содержание

Глава I	7
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Корелли

Молодость Дианы. Эксперимент будущего

Marie Corelli

THE YOUNG DIANA. AN EXPERIMENT OF THE FUTURE

© Рюмин С., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава I

В прежние далекие времена, не столь переполненные литературными потугами, автор имел обыкновение обращаться к своей аудитории как к «благодарному читателю». Эта вежливая фраза содержала в себе приличную дозу лести. Она подразумевала три вещи: во-первых, если окажется, что читатель не благодарен, автор, возможно, сумеет пробудить в нем или в ней благодарность своей учтивостью; во-вторых, надежду на то, что читатель не станет хвалить или ругать книгу, пока не дочитает ее до конца; в-третьих, что читатель не оскорбится и поймет: автор всего лишь желает подстелить соломки, чтобы его лучше поняли. Я полностью солидарна с моими предшественниками относительно всех тонких аспектов взаимопонимания и, решив рассказать историю, которую любой человек даже среднего ума сочтет невероятной, начну, пожалуй, в той же вежливой, старомодной, «импозантной», отчасти извиняющейся, а отчасти примирительной манере. Итак: «Благодарный читатель, прошу вас быть моим другом!» Не теряйте терпение и не выходите из себя, читая о странных приключениях очень странной женщины. Дабы предупредить разочарование от поисков того, чего в этой книге нет, заранее скажу, что она не о половых проблемах. Нет-нет! Моя героиня вовсе не сбилась с пути благопристойности и порядочности и не кончила плохо. По сути, я вообще не могу сказать, что ее история достигла конца, потому что она до сих пор вполне жива, здорова и преуспевает в жизни. Любое окончание для Дианы Мэй не только неуместно, но попросту невозможно.

Жизнь, как всем нам известно, – любопытная штука. Она напоминает театральную маску о двух лицах: с одной стороны комедия, с другой – драма. То, как мы к ней относимся, зависит от того, как она относится к нам. Некоторые из нас видели оба ее лица и не нашли в них ни поддержки, ни вдохновения.

С другой стороны, жизнь – это череда «чувственного опыта». Мы, живущие сегодня, постоянно пишем о жизни. Те, кто жили до нас, делали то же самое. Похоже, никто так и не нашел и не в состоянии найти лучшего занятия. Многие века миллионы некогда живших и давно умерших людей проводили свое время на планете, набираясь чувственного опыта и рассказывая о своих впечатлениях друг другу, каждый – свою «повесть, которой нет печальней». И они, и мы настолько жаждем по-своему, неповторимо передать то, как фибры нашего ума и тела реагируют на конкретные обстоятельства, в которых мы оказались, что все системы религии, государственного управления, науки, искусства и философии выросли и вырастают исключительно и однозначно на почве мучений и удовольствий, испытываемых скоплениями атомов, которые якобы что-то «чувствуют» и пытаются рассказать об этих чувствах друг другу. Этим чувствам люди дают громкие названия: вера, логика, смысл, мнение, мудрость и так далее. На этом фундаменте они возводят долговечное здание Закона и Порядка, очень солидное на вид, но шаткое, словно карточный домик, и разваливающееся от одного прикосновения, стоит только возникнуть какой-нибудь внезапной неприятной помехе их рассуждениям и планам: черной полосе, росткам хаоса, большой войне, эпидемии или иной непрошеной «Божьей каре». В такой момент «чувства» почти исчезают, или люди просто боятся о них говорить. Они ежатся, погружаются в нервное молчание и ждут, снедаемые страхом и унынием, когда разойдутся тучи и закончится ненастье. И тогда вновь начинается непрерывный бубнеж о «чувствах» под аккомпанемент басов и дискантов жалоб и восторгов – монотонный шум, лишенный всякой гармонии. Внешняя природа в этом не участвует, поскольку человек – единственное живое существо, пытающееся объяснить феномен своего существования. Совершенно непонятно, почему он один так мучается и терзается и почему следует позволять ему непрерывно копаться в своих эмоциях, ибо, несмотря на прогресс образования, мы никогда не станем образованными настолько, чтобы избавиться от чувства собственной значимости. Что само по себе странный факт, заставляющий многие светлые умы задавать вопросы.

Моя героиня, Диана Мэй, тоже задавала вопросы. Она задавала их постоянно, проводя в состоянии хронического недоумения недели, месяцы и годы. Ее волновали вопросы о себе и других людях, потому что и другие, и она сама выглядели в ее глазах нелепо. Диана не находила себе места в общем деле и пыталась с терпеливым смирением оправдывать свое существование. Хотя она читала книги о науке, психологии, естественных и духовных законах и проникала в сложные проблемы эволюции и естественного отбора до такой степени, что ее подслеповатые глаза еще больше слепли, а складки от носа до подбородка становились еще длиннее и глубже, она не могла выбраться из вязкого болота своих затруднений. Диана была лишним элементом множества и не понимала, почему появилась в этом месте и как из него выбраться.

Ее отец и мать слыли обеспеченными людьми, пользовавшимися уважением в своем пригороде и регулярно посещавшими церковь. Мистер Джеймс Полидор Мэй – таково его полное имя, выгравированное на визитной карточке, – имел малый рост, но по уровню самодовольства был выше всех живых. Он сколотил приличное состояние на производстве чего-то, о чем здесь неинтересно говорить, и спекулировал на бирже с ловкостью и осторожностью, граничащими с гениальностью, в результате чего всегда выигрывал, ничего не теряя. Теперь, в возрасте шестидесяти лет, он был свободен от финансовых забот и мог брэнчать в карманах брюк золотыми и серебряными монетами, упиваясь их нежным звоном. Этот звук был похож на милый сердцу звон церковных колоколов, говорящий о приближении к богатому городу. Мистер Джеймс Полидор Мэй, бравый, выдавший виды коротышка, был, как сам любил напоминать, «широк в груди», ноги его были хоть и коротки, зато не кривы. Из-за склонности к полноте две нижние пуговицы на жилете обычно бывали расстегнуты, чтобы дать простор животу после обильной трапезы. Физиономия отражала не столько глубокий ум, сколько задиристость – кустистые брови, волосы и усы временами делали его похожим на сердитого старого терьера. Маленькие острые глазки лепились к спинке выдающегося «еврейского» носа. Эти черты дополняла напористая манера поведения, опережавшая его самого, словно грозное облако, предвещающее появление «важной персоны», но неизбежно сопровождающее ничтожество. Восхищение отца Дианы противоположным полом было явным и не всегда ненавязчивым, он с младых лет был уверен в своей способности покорить любую женщину. Представляясь, он разыгрывал учтивый «гамбит» – в высшей степени коварный трюк, призванный скрыть уродливую сторону его натуры. Его жена могла бы рассказать много историй о таких «гамбитах» мужа, если бы давным-давно не оставила все попытки сохранить остатки индивидуальности. Она вышла за него замуж от небольшого ума, что, конечно, встречается на каждом шагу, но с добродушием и энтузиазмом намеревалась вести семейную жизнь наилучшим образом. Разумеется, иллюзии молодости развеялись с первыми же годами супружества (как это обычно бывает), и мать Дианы, поняв, что ей ничего не светит, погрузилась в дряблосное состояние смирившегося с судьбой ничтожества. Домашнюю скуку нарушило рождение единственного ребенка – Дианы. Пока девочка была мала и по заведенному обычаю проходила обучение в школах и у гувернанток, она оставалась предметом восторгов, нежности, забав и интереса, а когда выросла и в возрасте восемнадцати лет «вышла в свет» стройной, симпатичной девушкой, наделенной свежей, типично английской красотой, у ее матери на время появилась причина жить и любить, но – увы! – Диана принесла ей горчайшее разочарование. «Выход в свет», балы, встречи на скачках – все эти материнские ловушки для женихов – давали осечку. Уроки, музыка, танцы, туалеты – ничто не срабатывало. Диана так и не вышла замуж. Правда, она однажды влюбилась, как влюбляются все девушки, еще не знакомые с повадками мужчин. Она обручилась с «подающим надежды» офицером и хранила ему романтическую преданность в духе старомодных поэм Чосера, с настораживающим упорством прождав жениха целых семь лет. А когда поданные надежды, наконец, реализовались, офицер вдруг бросил Диану ради более красивой и юной кандидатки. К этому времени Диана уже вступила, что называется, в «зрелые годы». Все эти события сильно испортили настроение миссис Мэй, и она

нашла прибежище от многочисленных огорчений в гастрономических уладах и успокоительном сне. Результатом такого образа жизни стали тучность и неповоротливость. Ее прежнее «я» утонуло в перине жировых складок, из которой оно смотрело на мир выпуклыми, матовыми глазами, и только кончик носа, казалось, вяло протестовал против несправедливости своего местоположения между двумя массивными, дряблыми щеками, среди которых терялись его отнюдь не классические, откровенно невыгодные пропорции. Излишки сна и пищи превратили мать Дианы в глупую и несколько упрямую женщину, привыкшую безо всякой связи, не задумываясь, говорить добрые или злые вещи: она фонтанировала любезностями в адрес любого человека, даже горничной, завязывавшей шнурки на ее туфлях, словно ее связывала с ними многолетняя дружба, но издевалась над гостями, стоило им отвернуться, и злобно высмеивала физические или умственные недостатки любого мужчины и любой женщины, кому подбостранно льстила всего пять минут назад. Ее нельзя было назвать «надежной» знакомой, потому что никто не мог знать, чего ожидать от нее в следующую минуту. Но как часто бывает с кисло улыбающимися, тучными дамами, все, словно сговорившись, называли ее «милой», «дорогой» и «доброй», хотя в действительности она была одной из самых эгоистичных натур на свете. Ее щедрость всегда бывала тщательно продумана и направлена на те области, где она могла принести максимальную выгоду. Обильные излияния сочувствия к чужим бедам быстро иссякали, и миссис Мэй мгновенно забывала, каким потерям или неудачам только что соболезнавала. Несмотря на то, что все называли ее «дорогой» и «милой», она имела обыкновение дуться целыми днями, ни с кем не разговаривая и никому не позволяя разговаривать с собой. Ее основные интересы и внимание были сосредоточены на еде, и она всегда спешила первой выйти к завтраку, чтобы выбрать самые лакомые кусочки из порции жареного бекона еще до того, как муж успеет его хотя бы понюхать. Муж и жена вечно спорили и обвиняли друг друга в неправоте. Миссис Мэй считала свою худшую половину чем-то вроде своенравного, вечно недовольного ребенка. Он же относился к жене как к полезной «домашней» женщине – совершенно простой и естественной, как он часто говорил. Если бы это было правдой, то представляло бы собой большое удобство, позволяющее обманывать ее с еще большей легкостью. Однако «простота» миссис Мэй и «естественность», с какой она обеспечивала себе уют, удобство и легкость жизни, залегали «глубже, чем измерить можно лотом»¹, при этом она считала себя самой бескорыстной и бесхитростной из женщин. Временами она даже сама удивлялась своей способности, по ее выражению, умно все обставить. Когда женщина такого типа заявляет, что умно все обставила, можно не сомневаться – ни один адвокат на свете не превзойдет ее по части лицемерия.

Таков краткий портрет супружеской пары, которая, забывшись, взяла на себя ответственность за то, чтобы произвести на свет женщину, совершенно этому свету не нужную. Женщина в абстрактном смысле является лишь выючным мулом мужчины – его собственностью, его имуществом, созданным специально для того, чтобы служить «сосудом» для его страсти и настроения. Без благосклонности и поддержки мужчины женщина, по общему мнению, считается одиноким, неприкаянным недоразумением. Вот вам и закон, и пророки². Диана, быстро стареющая безмужняя дочь мистера и миссис Мэй, в силу обстоятельств попала в жалкое положение. Ни один мужчина не желал брать ее даже на роль выючного мула. Ни один мужчина не желал сделать ее своей собственностью и имуществом, и к моменту начала этой правдивой истории она больше не была настолько красива, обворожительна или молода, чтобы служить мужчине игрушкой для удовольствий или предметом для развлечений. Перевалив через рубеж тридцатилетия, жизнь Дианы шла очень однообразно. «Милые» люди, всегда говоря-

¹ Отсылка к словам Просперо в пьесе «Гроза» Уильяма Шекспира (пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник. *(Здесь и далее – прим. пер.)*)

² Аллюзия на Евангелие от Матфея, 7:12: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки».

щие гадкие вещи, замечали, насколько она стала *passée*³, тем самым значительно ускоряя процесс ее старения. Диана тем временем влачила свою участь с примерным жизнелюбием. Она никогда не хныкала, не жаловалась и не завидовала молодости и пригожести молодых людей. Ее разумом завладела убаюкивающая мысль о «долге», и она посвятила себя нежной заботе о толстой матери и вспыльчивом отце, рабски им прислуживая день и ночь, по-детски молясь за них, совершенно не подозревая, что о ее родителях уже поздно молиться.

Шли годы. Диана старалась научиться всему, что могло пригодиться, она много читала и еще больше размышляла, освоила два-три иностранных языка и говорила на них легко и бегло, прекрасно музицировала. У нее были красивые, пышные светло-каштановые волосы, движения оставались грациозными, но – увы! – на некогда подвижные черты уже легла печать несомненного старения, она стала угловатой и плоскогрудой, от талии до колен пролегла неаппетитная прямая линия, делавшая фигуру Дианы до обидного похожей на мужскую, и все это нарастало с жестокой, костлявой неумолимостью. Одной из ее прелестей, которую она признавала и старалась развивать, был «негромкий, сладкий голос – прекрасная черта для женщины». Если кто-нибудь слышал этот голос в соседней комнате, то поражался – человеку казалось, что некое редкостное существо, вечно молодое и нежное, выражало голосом музыку небесных сфер.

Мистер Джеймс Полидор Мэй, как я уже заметила, был безукоризненно респектабелен. Он выполнял обязанности мирового судьи, а это – по крайней мере, в английских пригородах – считается признаком безупречной добродетельности. Еще одним свидетельством его солидной репутации и праведности было то, что в определенное время года он всегда стремился сменить обстановку. Нам всем известно, что человек, весь год проводящий в одном месте, выходит за рамки приличий и рискует быть отторгнутым высшим обществом. У мистера Мэя имелся красивый дом с участком земли поблизости от Ричмонда на небольшом расстоянии от Лондона, но как только лондонский «сезон» заканчивался, мистер и миссис Мэй неизменно начинали чувствовать, что им «душно» в своем доме, и рвались в места, позволявшие дышать всей грудью более чистым воздухом, чем тот, который мог предоставить Ричмонд. Они нередко ездили на охоту и рыбалку в Шотландию, но это делалось еще до того, как угасли надежды на вступление их дочери в брак, когда еще можно было пригласить потенциального жениха не только проявить себя с ружьем или удочкой, но и для того, чтобы показать ему «нашу овечку», которую им не терпелось сбавить тому, кто назовет лучшую цену. Этим прекраснотушным мечтам пришел конец. Больше не было смысла раскладывать дорогие виски и сигары, чтобы подбодрять на более решительные действия робких или колеблющихся Бенедиктов⁴, когда те возвращались с «болот» уставшие, сонные и достаточно поглупевшие, чтобы нечаянно сделать предложение руки и сердца. Мистер Мэй теперь редко приглашал к себе молодых людей – по той простой причине, что больше не мог их найти. Молодые люди считали его занудой, его жену – тупицей, а дочь – старой девой. Золотая молодежь наших дней до сих пор пользуется этим пренебрежительным прозвищем, хотя существует более современный и приличный термин – «холостячка». Поэтому мистер Мэй проглотил свои амбиции и довольствовался компанией трех дородных мужчин своего возраста и склонностей, они играли в гольф и на бильярде, а когда нечего было делать, непрерывно курили. Берег моря идеально подходил в качестве места для «смены декораций», где можно было поправить здоровье, не слишком при этом тратясь. Вместо того чтобы «гонять оленя и пугать козу»⁵, мистер Мэй находил удовлетворение в шезлонге на пляже и походах на близлежащее поле для гольфа. Нельзя сказать, что мистер Мэй

³ Здесь: увядшей (*фр.*).

⁴ Молодой принц, один из героев пьесы Уильяма Шекспира «Много шума из ничего».

⁵ Аллюзия на стихотворение Роберта Бернса «В горах мое сердце» (*пер. с англ. С. Маршак*).

был скуп. Он не снимал дачи или дешевые номера – наоборот, всегда был годов «делать дело красиво» и выбирал дома, какие агенты по недвижимости называют «идеальными».

В то время, о каком здесь идет речь, мистер Мэй поселился на лето в таком «идеальном» поместье на побережье графства Девон. Особняк раньше принадлежал художнику, художник недавно умер, и его вдова решила, что дом нагоняет на нее тоску. Она была рада сдать его на два-три месяца, чтобы «разветься», проявив неугомонную прыть, характерную для многих людей, предпочитающих ехать куда глаза глядят, лишь бы не оставаться дома. Мистер Мэй с супругой, для виду поворчав, что после Лондона новое место «слишком уж спокойно», были тем не менее рады – за скромную арендную плату им удалось урвать воистину очаровательный уголок. Сад был тщательно спланирован и ухожен. Гладкий бархатный газон спускался почти до самого моря, где границу зеленой травы и золотистого песка сторожила белая калитка. Комнаты были со вкусом обставлены. Диана, впервые увидев это место, когда, по своему обыкновению, приехала за несколько дней до родителей, чтобы навести для них уют в жилище, вообразила, каким счастьем было бы иметь такой дом и сад для себя одной. В течение недели до приезда уважаемых родителей в перерывах между распаковкой вещей и организацией дел с тем, чтобы прислуга могла без помех и заминок выполнять свои обязанности, Диана гуляла в одиночестве, исследуя местные красоты. Вид ее худой фигуры в саду среди цветов, обращенной к морскому горизонту нежно-серого, как голубиное крыло, цвета, вызывал странное ощущение печали и покинутости. Слуги, глядя на нее из окон кухни и кладовой, выносили свои собственные суждения.

– Бедняжка! – задумчиво сказала повариха. – Как она исхудала!

– Ах, ей ничего не светит! – вздохнула старшая горничная, обрученная с колбасником с такой багровой рожей, что любая уважающая себя молодая женщина скорее умерла бы, чем вышла за него замуж. – Останется одна-одинешенька в этом мире, совсем без защиты, когда умрут ее папочка с мамочкой.

– Ну, они на тот свет пока не торопятся, – возразил дворецкий, наблюдательный мужчина. – По крайней мере, мистер Мэй долго протянет, он вцепился в жизнь, как кот в мыша. Вот увидите! Скачет, словно ему тридцать, а не шестьдесят. А вот миссис... если она будет жрать, как нонче, однажды лопнет, что твой бобовый стручок. А он... я не удивлюсь, если он нас всех переживет.

– Господи, мистер Джонсон, – воскликнула старшая горничная, – что вы такое говорите! Вы и сами еще молоды.

Польщенный Джонсон улыбнулся. Ему было далеко за сорок, но, как и его хозяин, он хотел, чтобы его считали молодцом хоть куда, охочим до танцев, тенниса и прочих игривых занятий.

– Мисс Диана, – продолжал дворецкий прокурорским тоном, – растеряла свои шансы. Какая жалость! Ее больше никто не возьмет в жены. Молодых девиц хоть пруд пруди – мужикам старые не нужны. Ей надо выдумать какую-нибудь «миссию» или что-то еще, чтобы ее вообще заметили.

Тут вмешалась немногословная женщина по имени Грейс Лори. Она служила у миссис Мэй камеристкой и пользовалась большим уважением, потому что была помолвлена и собиралась выйти замуж (в неопределенном будущем) за богатого австралийского фермера.

– Мисс Диана очень умна, – сказала Грейс. – За что ни возьмет, все у нее спорится. Она не так проста, как кажется. И, – камеристка сделала паузу, – по-своему красива, только очень уж худа. Когда выходит из ванной с распущенными волосами, так мило выглядит!

Ответом ей были отчасти нерешительные, отчасти скептические усмешки.

– Ну-у, дамы редко выглядят мило, выходя из ванной, – решительно заявил дворецкий. – Я не раз краем глаза наблюдал за миссис...

Тут уж все засмеялись во весь голос, выкрикивая: «Фу! Фу!», и кухонные пересуды на этом закончились.

Для Дианы наступил последний день свободного, ничем не ограниченного наслаждения очаровательным приморским раем, который ее родители избрали местом своего летнего отдыха. Печально осознав этот факт, она неторопливо гуляла по саду, вдыхая сладкий аромат роз и резеды пополам с соленым запахом моря. Завтра аккуратно к обеду придут мистер и миссис Мэй, и вновь закрутится прежняя домашняя канитель, все та же рутина, что и в Ричмонде. Изменятся только место действия и декорации. Завтрак ровно в девять, обед в час, чай в полпятого, ужин без четверти восемь. Ужин без четверти восемь был особой костью в горле Дианы. Почему нельзя ужинать ровно в восемь? «Без четверти» действовало на нервы и требовало жонглировать временем безо всякой на то нужды. Ее возражениям никто не внимал – ужин без четверти восемь был одной из домашних прихотей матери. Между перечисленными приемами пищи никто ничего не делал, то есть не делал ничего, что имело бы смысл и приносило бы какую-то пользу. Диана наизусть помнила глупый, утомительный бег по кругу: мистер Мэй будет все утро читать газеты в саду или на пляже, миссис Мэй даст несколько путаных, противоречивых указаний слугам, которые никогда не следовали им буквально, но лишь в той степени, в какой их было сподручнее выполнять, после чего уходила к себе писать письма друзьям и знакомым. После обеда мистер Мэй играл в гольф, а его супруга спала до чаепития, потом гуляла в саду и иногда, лишь иногда, обсуждала с дочерью домашние дела. Затем наступал черед ужина без четверти восемь с бессвязными разговорами и препинаниями, после чего миссис Мэй опять спала, а мистер Мэй играл на бильярде, если находил партнера, а если не находил, то в одиночестве отрабатывал трик-шоты. Ни один из них не задумывался, что такой образ жизни не способствует хорошему настроению их дочери. По сути, они ее вообще не замечали. Пока Диана была молода, то да, в то время для нее требовалось искать развлечения и компанию, чтобы «показывать товар лицом», но теперь, когда она утратила шансы выйти замуж в общепринятом понимании смысла замужества, ей было предоставлено в одиночку отражать удары судьбы и заниматься чисто женским делом – вести хозяйство для своих родителей. Следует сказать, что она довела это искусство до совершенства. Диана контролировала расходы без тени скарденности, управляла работой слуг и следила, чтобы домашний быт не давал осечек. Но что бы она ни делала, никогда не слышала ни слова благодарности от отца или матери. Они принимали ее заботливые услуги как должное, похоже, даже не подозревая, что их удобства и уют почти полностью были следствием предусмотрительности и практической сметки дочери. И уж тем более их не волновало, счастлива она или нет.

Диана думала об этом – совсем немножко и без обиды – в последний вечер, который проводила одна в «идеальной» летней резиденции, носившей название «Розовый луг», – возможно, потому, что она выходила фасадом на запад, собирая на стенах и окнах всю шикарную палитру закатов. Диана порядком утомилась, потому что несколько часов провела, обустривая спальню матери и следя за тем, чтобы все многочисленные удобства для излишней массы ее ленивой плоти находились на своем месте и в должном порядке. Покончив с делами, Диана была рада провести остаток дня в саду наедине с собой, размышляя и по привычке мысленно задавая вопросы. Вопрос был прост: сколько еще придется бежать, как заведенная, в колесе жизни, ставшем ее судьбой? В неторопливую мелодию дней вносила разнообразие учеба, – что правда, то правда, – но ее знания никому не были нужны, никто не ведал о ее достижениях, и она не находила вдохновения даже в музыке, потому что никто никогда не просил ее что-то сыграть. Все ее усилия выглядели как пустая трата энергии. У нее имелись личные радости – она очень любила природу, которая, словно дверь, ведущая в рай, позволяла ей близко прикоснуться к чудесам и благодати творений вселенского разума, любила книги и умела читать по-французски и по-итальянски, ну и, конечно, на родном английском, и даже с некоторым успехом начала осваивать русский. Греческий и латынь она изучила достаточно глубоко, чтобы

понимать авторов древнего мира на их языке, однако все интеллектуальные развлечения задумывались и осуществлялись по ее собственной инициативе, и другие, как она сама иногда говорила с ноткой огорчения, не знали, что она была способна делать что-то большее, чем проверять счета торговцев и отдавать распоряжения насчет ужина.

Что правда, то правда: никто не знал. Обычные люди считали ее некрасивой. Они видели всего лишь тощую женщину среднего роста с изможденным лицом, на котором прорезались морщины, и копной каштановых волос, женщину, которая была симпатичнее в молодости, но теперь вела себя сдержанно и нервно. Она редко вступала в разговоры, тем не менее, когда с ней заговаривали, отвечала мягким, нежным голосом с чудесной музыкальной интонацией. Никто даже на минуту не подозревал, что в ней есть что-то от ученой, и тем более не мог вообразить, что она прекрасно разбирается во всех вопросах науки. Диана завела привычку доставать и тщательно штудировать любую книгу о научных открытиях, будь то беспроводной телеграф, спектральный анализ, радий или прочие чудеса века. Как следствие, ее разум накопил богатый запас пищи для размышлений на куда более высоком уровне, чем тот, который большинство читающей публики когда-либо могло надеяться достигнуть. При этом Диана никогда не рассуждала о вещах, столь глубоко ее интересовавших, и так как она держалась отчужденно и неловко чувствовала себя в компании других людей, редкие гости матери едва замечали ее, а если замечали, то обращались к ней с небрежной, ничего не значащей вежливостью. У Дианы хорошо получалось вязать и ткать гобелены в яковитинском стиле, и люди хвалили ее за эти достижения, считая, что именно такие похвалы она поймет лучше всего. В то же время они косо смотрели на ее платья, всегда немного безвкусные и немодные, делая вывод, что «бедная миссис Мэй, должно быть, страшно разочарована своей дочерью».

Легким на язык посетителям не приходило в голову, что Диана сама страшно разочарована собой. В том-то все и дело. Она ежедневно мучилась этим вопросом, не находя на него ответа. Но ведь она, конечно, была полезна своим родителям? Да, но в душе Диана понимала, что ее родители в такой же мере были бы удовлетворены присутствием платной компаньонки-домработницы. После того как она не оправдала надежды, отец и мать перестали ее по-настоящему любить. Бедная Диана! Жажда любви стала ее роком, больше всего на свете она желала как раз любви. Именно это желание околдовало ее порывистую натуру, когда она в расцвете юности и красоты связала себя обетом с мужчиной, которого прождала семь лет, чтобы быть, в конце концов, бессердечно им брошенной. Напоследок она вернула ему все его письма в обмен на свои, за исключением двух, и теперь перечитывала эти два письма каждый вечер перед тем, как помолиться на ночь, чтобы уж никогда их не забыть.

Одно из писем содержало следующий пассаж:

«Как я тебя люблю, дорогая моя, милая Диана! Ты для меня самая прелестная девушка на свете. Если я когда-либо сделаю по отношению к тебе что-то дурное или обидное, пусть Бог накажет меня как вероломную тварь! Мое единственное желание в жизни – сделать тебя счастливой».

Второе письмо, написанное годами позже, содержало несколько иные формулировки:

«Я уверен, что ты тоже понимаешь: время изменило как тебя, так и меня, и я обязан признать, что чувств, которые я когда-то испытывал к тебе, больше нет. Ты здравомыслящая и достаточно взрослая женщина, чтобы понять: нам лучше расстаться».

«Ты достаточно взрослая» – от этой фразы душу Дианы коробило, как заключенного коробит от звона цепей в тюремной камере. «Ты достаточно взрослая». И это, конечно, правда – она «достаточно взрослая», но ведь повзрослела она, преданно ожидая возвращения своего любимого! И он первый же наказал ее за постоянство. Очень странно. Этот случай стал одним из многих, вызвавших у нее состояние хронического недоумения. Великие писатели и еще больше великие поэты, будучи самыми непостоянными из людей, воспевали верность в любви как небесную добродетель. Почему же тогда она получила столь суровое наказание за то, что проявляла ее на практике? Однако после разрыва помолвки и длительного периода огорчения и страданий из-за потери всего, что ей было дорого, занятия и внимательное чтение постепенно успокоили и укрепили ее натуру, и Диана смогла, наконец, признать, что бывают вещи похуже потери бессердечного жениха, который, скорее всего, стал бы еще более бессердечным мужем. Диана больше не испытывала к нему обиды, и память о нем едва ли пробуждала в душе чувство печали или сожаления. Она лишь задавалась вопросом: почему все так случилось? Разумеется, ответа на него она не получила – его попросту не существует. И она была «достаточно взрослой», чтобы отбросить в сторону романтику и сентиментальность. И все же, пока Диана медленно гуляла по саду в окружении роз и любовалась морем, искрящимся в теплой вечерней заре после великолепного заката, в ее сердце опять зашевелилось старое глупое желание. Аромат цветов, нежное дыхание летнего ветерка, мелькание белых крыльев чаек, низко летающих над сверкающими лужами на песке, все эти естественные проявления природной красоты навевали грусть и одновременно очаровывали душу. Диана жаждала слиться с этим миром и поделиться своей радостью с другими.

– Природа никогда не стареет! – громко воскликнула Диана. – А если стареет, то никто этого не замечает. Она всегда такая же – прекрасная и живая.

Диана остановилась, вдруг заметив на розовом кусте, усеянном роскошными цветами, один цветок, зажатый и подпорченный слишком близким соседством со своими многочисленными собратьями. Бедный цветок гнил среди уймы готовых раскрыться бутонов, которые почти по-человечески просили избавить их от его присутствия. Мягкими пальцами Диана аккуратно отломил его от стебля и бросила на землю.

– Это я! – воскликнула она. – А это то, что меня ждет! Этот славный мир не терпит ничего увядшего и безобразного. Я – пятно на прекрасном лице природы.

Она еще раз взглянула на море. Вечерняя заря почти угасла, путь заходящего солнца отмечала лишь широкая полоса тусклого золота.

– Нет, надеяться не на что! – пробормотала Диана, разводя руками. – Я должна день за днем тянуть ляжку, двигаясь по старой колее, выполнять свой долг – об ином, пожалуй, и не стоит просить, – стараться угодить матери, не гневить отца, а потом... потом, когда они умрут, я останусь в мире одна. Никому не будет дела до того, что со мной произойдет, как сейчас никого не волнует, жива я или мертва.

«Никому нет дела» – эта фальшивая нота звучит в музыке жизни многих людей. Когда никому нет дела до нас, нам нет дела до самих себя и до других. И в этом настроении мы вдруг слепы, бессознательно натываемся на единственный шанс обрести надежность и счастье. Бездушная, но все-таки истина. Ибо, когда мы становимся совершенно равнодушны к судьбе, судьба, словно капризный ребенок, вдруг начинает делать все, чтобы привлечь наше внимание, и проявляет к нам такой интерес, о каком мы даже не мечтали. И чем сильнее наше равнодушие, тем больше она от нас не отстает.

Глава II

Диана была «достаточно взрослой», по определению ее непутевого жениха, чтобы по достоинству оценить добротный ночной отдых. Совесть ее не мучила, она была для своего времени *ga ga avis*⁶, совершенно невинной женщиной, и спала спокойно безмятежным сном ребенка. Проснувшись при свете яркого утра, высекавшего алмазы из поверхности моря, она почувствовала себя почти молодой и бегала туда-сюда, добавляя последние штрихи к украшению уютной гостиной, создавая в каждом уголке непередаваемую атмосферу приятной хлопотности, какая способна возникнуть только под рукой разборчивой, любящей красоту женщины. В назначенный час на вокзал за мистером и миссис Мэй был отправлен автомобиль, и достойная чета прибыла точно по расписанию с несколько кислым видом, квелиая от духоты яркого летнего дня и утомительного переезда из Лондона.

– Здравствуй, Диана! – Мать со вздохом подставила толстую желто-оранжевую щеку для поцелуя. – Дом действительно настолько хорош и уютен?

– Он очень мил, – радостно сообщила Диана. – Я уверена, что тебе здесь понравится, мама. Сад – просто прелесть.

– Твоя мать спрашивала насчет дома, а не насчет сада, – желчно заметил мистер Мэй. – Будь внимательнее, Диана. Да... э-э-э... да! Достаточно! – добавил он в ответ на робкую попытку обнять его. – Твоя мать всегда с подозрением относится – и она права – к сырости в арендованных сельских домах, но мы, кажется, убедились, когда снимали этот, что здесь нет ничего подобного. Куры не кудахтают? Под боком нет ферм? Да? Уже легче! Ну что ж... место вроде подходящее. Обед готов?

Диана ответила утвердительно, и вскоре вся семья сидела за столом и обсуждала майонез для омаров. Пока миссис Мэй нависала мощной грудью над тарелкой и жадно оглядывала стол круглыми, выпученными глазками, а мистер Мэй по своей привычке быстро жевал, бросая по сторонам взгляды в поисках того, к чему бы придраться, сердце Дианы все больше сжималось от тоски. Обед протекал точно так же, как дома в Ричмонде, все в той же унылой атмосфере обыденности. Родители не проявляли ни искры удовольствия, оживления или интереса к смене обстановки, прелести сада или мерцанию моря за открытыми створчатыми застекленными дверями. Все их эмоции ограничивались приятной, но узкой темой майонеза к омару.

– Как всегда, слишком много горчицы, – сказал мистер Мэй, скребя ножом по тарелке.

– Все нет, – ответила его жена с невозмутимым упрямством. – Если Марш и умеет что-то идеально делать, то майонез.

Повариха Марш часто бывала предметом ссор между супругами.

– Ну конечно, Марш – само совершенство! – передразнил ее мистер Мэй. – Ведь мы и дом этот сняли, чтобы Марш могла сменить обстановку и получить лишние привилегии.

Глаза миссис Мэй чуть больше выступили из орбит. Прикрыв обширный бюст салфеткой, она зачерпнула новую порцию майонеза. Диана обычно ела мало и тяготилась длительными трапезами родителей, она не участвовала в их «петушиных боях», вечно вспыхивавших за столом. Когда обед, наконец, закончился, она с облегчением ушла в свою комнату. Там она застала камеристку Грейс Лори со свежей почтой.

– Вам пришли письма, мисс, – сказала Грейс. – Я принесла их из коридора, подумав, что вам понадобится минута покоя.

Диана благодарно улыбнулась.

– Спасибо, Грейс. Мать сейчас поднимется наверх прилечь. Проследите, чтобы у нее было все, что ей нужно, хорошо?

⁶ Редкая птица (*лат.*).

– Да, мисс. – И, выдержав паузу, служанка добавила: – Вам самой не мешало бы прилечь и отдохнуть, мисс Диана. Вы все эти дни только и делали, что занимались делами. Теперь можно расслабиться.

Диана опять улыбнулась. В слове «расслабиться» прозвучали нотки сочувствия. Она одобрительно кивнула, и камеристка, добрая душа, вышла.

У стены стояло высокое зеркало, в котором Диана вдруг увидела свое отражение. У нее порозовели от досады щеки – она выглядела как пугало огородное! Угловатая, костлявая! Темно-синее льняное платье сидело на ней колом, как мужские брюки. Недостаточно грациозные изгибы тела не придавали выпуклости несговорчивым складкам платья. При виде своего бледного, изможденного лица, жалкого заостренного подбородка и острого носа Диане захотелось бросить чем-нибудь в свое отражение. Она твердо посмотрела себе в глаза – они имели любопытный цвет и были относительно красивы благодаря тающим серым и голубым оттенкам, но эти «гусиные лапки» в уголках глаз, эти морщинистые веки – ох! – сплошная усталость, блеклость, тоска.

Резко отвернувшись, Диана взглянула на маленькие часы, стоявшие на туалетном столике. Три часа пополудни. Она сняла тяжелое льняное платье уродливого, «служебного» фасона, какой всегда советовал носить отец, и надела легкий белый капот, который сама сшила из отреза дешевой ткани, из какой делают апостольники для монашек. Распустив волосы, Диана расчесала их, они свисали до пояса красивыми завитками, искрясь золотистыми блестками такой яркости, что завистницы поговаривали: «В таком возрасте волосы не бывают натуральными. Она, должно быть, их красит». Тем не менее волнистость и блеск были свойственны волосам Дианы от природы, но она не обращала внимания на их красоту и не поверила бы, если бы кто-то сказал, что такой порядок, или, скорее, беспорядок, в волосах придавал ей сходство с хрупкой святой на старинной гравюре в средневековом французском фолианте «Часослов». Такова была ее внешность. И с этим выражением уставшей святой на лице Диана пододвинула к окну шезлонг, улеглась в него, блаженно вытянулась во весь рост и стала смотреть на море, положив запечатанные письма на колени. Как прекрасна бесконечная линия сверкающей воды, сливающаяся со сверкающим небом! Как они далеки от мелочных забот и страхов мира людей!

– Спрашивается... – пробормотала Диана. Вот те раз! Она снова задается вопросами. Ее глаза от упорного желания найти ответ приобрели почти молодой блеск, и Диана погрузилась в сумеречные думы, не имеющие, подобно всему вечному, ни начала, ни конца. Да! Она спрашивала, почему, например, природа столь велика и разумна, а человек так подл и мелочен, хотя мог бы, если бы захотел, быть хозяином своей судьбы, разгадать все загадки воздуха, огня и воды, стать повелителем своей души. В памяти всплыл пассаж, который она недавно прочитала в одной книге: «Если бы человек постиг тайну управления химическими атомами, из которых он состоит, он открыл бы для себя плод дерева жизни и, как говорил Творец, взял бы его, вкусил бы и стал жить вечно»⁷.

Диана издала вздох изнеможения и мимолетной подавленности, затем начала перебирать конверты, безучастно глядя на руку отправителей, пока ее не заставило улыбнуться – очевидно, в приятном предвкушении – одно из писем, подписанное удивительно четким, решительным почерком.

– От Софи Лэнсинг, – констатировала Диана. – Милая Софи! Она всегда такая забавная с ее суфражистскими восторгами и жизнерадостной независимостью. Вдобавок Софи – одна из немногочисленных очень умных женщин, умудряющихся сохранять женственность и очарование, несмотря на свой ум. Ух ты, какое толстое письмо!

Она открыла его и, все еще улыбаясь, принялась читать обгоняющие друг друга строчки.

⁷ Парафраз главы из Бытия, 3:22.

Дражайшая Ди!

Полагаю, ты сейчас сидишь «у печальных волн морских»⁸ с папой и мамой, бедняжка. Я как наяву вижу тебя занятую тяжёлым трудом, словно ослик у колодца, бегающую по кругу каждый день с одной целью: насколько возможно поддерживать терпимое настроение у папочки, старого ворчуна, и покой задавленной лишним весом мамочки. Что это за жизнь, моя терпеливая Гризель!⁹ Как тебя от нее не тошнит! Ведь ты по-настоящему умна и могла бы много чем заняться. На дворе День женичины, а ты женичина исключительных способностей. Я много раз тебя просила покинуть свой домашний «вертеп» и своих пресных, эгоистичных пожилых родителей, оставив их с наемной экономкой, присматривающей за их питанием, ведь еда – это все, что их реально интересует. Приезжай жить ко мне в Лондон. Мы будем счастливы вместе, потому что я, как и ты, покладиста и рассудительна, ни одна из нас не гоняется за мужчинами, так что нам не из-за чего ссориться. И ты, Диана, очнешься! Ты очнешься и увидишь, что в жизни есть намного больше интересных вещей, чем сидеть с мамой и папой. Я могла бы даже найти пару мужчин, чтобы тебя развлечь, хотя большинство из них примерно через час превращаются в зануд, особенно те, кто считают себя очень остроумными. Прямо как твой папочка – когда он рассказывает какую-нибудь допотопную «хорошую историю», то думает, что сам Господь Бог должен бросить все дела и слушать. Не пугайся, я не собираюсь его очернять, но ты понимаешь, о чем я. Горе тому несчастному, мужчине или женщине, кто осмелится произнести хоть слово, пока папочка Полидор не закончит свою историю! Как мне хотелось чем-нибудь в него запустить! Я сдерживалась только ради тебя. Храни нас Бог, как говорила Офелия у Шекспира, от болтливых мужчин.

Тебе, вероятно, будет интересно узнать, что мне вчера вечером было сделано предложение. Этот смельчак похож на твоего папу – «в годах», богатый, с приличным пузом и в целом уверенный, что излучает достаток. Я, разумеется, ответила «нет», а он спросил, понимаю ли я, что делаю, таким тоном, словно подумал, будто я пьяна или замечталась. Я сказала, что прекрасно понимаю, кто я, где я и кто он. «И вы тем не менее говорите „нет“?» – почти шепотом переспросил он в полном изумлении. Я повторила: «Нет и нет», добавив, что он последний, за кого я бы согласилась выйти замуж. Тогда он вяло улыбнулся и сказал: «Бедное дитя! Как жаль, что вы столь сильно заблуждаетесь! Эти новые идеи...» Я заставила его замолчать, позвонив в колокольчик и спросив чаю. К счастью, в этот момент подошла Джейн Проузер – ты ее знаешь! – высокая, костлявая особа, увлекающаяся «евгеникой». Она блестяще исполнила роль пугала. Как только она заговорила своим высоким, скрипучим голосом, его как ветром сдуло. Я попила чаю с Проузер – то еще удовольствие, потому что она принялась подробно описывать уродства и страдания детей, для которых было бы лучше «не родиться на белый свет», как однажды в домашней ссоре воскликнула моя горничная. Мне удалось от нее избавиться, когда она доела все сэндвичи с крессом и помидорами, а я принялась читать

⁸ Название короткометражного комедийного фильма 1917 года.

⁹ Намек на леди Гризель Бэйли (1665–1746), шотландскую аристократку и автора песен, прославившуюся тем, что оставила подробные записи о ведении домашнего хозяйства, которые вела на протяжении 50 лет.

ворох писем, которые получила из-за границы. Надо сказать «большое спасибо» моим зарубежным партнерам по переписке. Они хорошо пишут, без ошибок, и у них всегда есть рассказать что-нибудь интересное. Одно письмо пришло от моей хорошей парижской подруги Блани де Руайе, она прислала мне любопытное объявление, появившееся во всех французских газетах. Я вложила его для тебя, ведь ты у нас такая «ученая». Возможно, оно тебя заинтересует. Формулировки довольно странные и какие-то загадочные. Тем не менее податель выкупил половину колонки во всех главных парижских газетах и повторил текст объявления на пяти языках – французском, итальянском, испанском, русском и английском. Похоже на ловушку или розыгрыш. Мир кишит всякими жуликами, даже в сфере науки. А теперь напомню еще раз: если твои папа с мамой опять взбрыкнут и дадут волю своему закоренелому эгоизму, немедленно приезжай ко мне. В моей уютной квартирке хватит места для нас двоих, мы прекрасно заживем вместе. О деньгах не беспокойся. С твоими способностями и знанием языков ты быстро найдешь какой-нибудь заработок – я тебе подскажу, что делать. Тебе пора подумать о своей выгоде, ты же не хочешь всю жизнь успокаивать папочку и ублажать мамочку? Чувство долга, я понимаю, но ведь это тоска смертная! Боюсь, сколько твою мамочку ни ублажай, это не вернет ей нормальные размеры, и уж тем более ничто не может исправить отвратительный нрав твоего папочки, прячущийся под прикрытием «манер» и готовый выскочить наружу, как чертик из табакерки, по малейшему поводу. Нам надо сказать «спасибо», Ди, что мы не замужем. Представь себе жизнь с таким мужем, как твой папа. Одно мучение! Мы обе не смогли бы найти утешение в обжорстве, как твоя мама. Мы скорее умерли бы, чем посвятили бы все свои интересы бобам и спарже. Мы скорее взошли бы как мученицы на эшафот, но не допустили бы, чтобы нашу грудь распирал восторг от фаршированной жареной свинины. О да! Нам, старым девам, есть за что сказать «спасибо». Мы можем спокойно спать в своей постели, зная, что нас не разбудит в неурочный час храп «высшего» животного, напоминающий хрюканье борова. Мы достаточно умны, чтобы зарабатывать кое-какие деньги, которые можем тратить, не отчитываясь, почему платье, которое ты носила четыре года, считается поношенным и нуждается в замене. Я могу исписать много страниц хвалой блаженству и выгодам незамужнего состояния женщины, но лучше приберегу энергию до нашей встречи. Пусть она состоится поскорее. Не забывай: я всегда к твоим услугам как твоя добрая подруга и сделаю все на свете, чтобы вызволить тебя из домашней упряжи. Старики, которые тебя «погоняют», не могут и не хотят видеть, какая у них терпеливая, добрая, заботливая и умная дочь, и не заслуживают тебя иметь. Пусть потратят лишние деньги на экономку, которая, конечно, будет их обманывать (и неплохо нагреет руки!), зато ты освободишься. Уезжай! Неважно как, откуда или когда. Иначе будешь ишачить всю жизнь. Ты свое уже отработала – уезжай! Послушайся доброго совета любящей тебя подруги.

Софи Лэнсинг

Когда Диана дочитала письмо до конца, на ее лицо легла тень серьезной задумчивости. Ее тревожили собственные мысли. Остроумные замечания Софи насчет ее родителей, конечно, были точны и заслуженны, и все-таки мать и отец – это мать и отец. Поразительно, что эти

слова вопреки «государственному» образованию до сих пор сохраняют свое сентиментальное значение. Мать в низших сословиях часто бесцветна, а в высших представляет собой легкомысленную мотовку. Отец из трущоб, возможно, лупит детей до посинения, а отец из Мейфэр проявляет к ним полное безразличие. Но мать и отец, как бы мало они ни заслуживали это звание, все-таки пользуются у своих отпрысков безотчетным вниманием и остаточным уважением. Однако «образование» сомнительного типа из кожи вон лезло, чтобы лишить родителей этого уважения, и, похоже, молодое поколение вскоре достигнет таких высот учености, что начнет забывать отца и мать, как полностью оперившиеся птенцы забывают своих родителей, вытолкнувших их из гнезда и научивших летать. Диана, напротив, была старомодна, обладала привязчивой натурой и делала жалкие потуги, пытаясь убедить себя, что папа и мама, в принципе, добрые люди и в глубине души любят своего единственного ребенка. Это был чистой воды самообман, но другой надежды и веры в этом жестоком мире у нее не было, и она не хотела их терять. Малейшее проявление чуткости со стороны старого нахотленного терьера в человеческом облике, ее отца, повергло бы Диану к его ногам и сделало бы ее еще более покорной рабыней его капризов, чем прежде. Если бы мать хоть раз любовно обняла ее, это растрогало бы Диану до слез радости и благодарности и удвоило бы ее безоговорочную, бескорыстную преданность жупелу своего долга. Но за целый год она не видела подобных знаков внимания или поощрения, и Диане было теперь чудно² вспоминать, что в молодости, когда ей еще не исполнилось двадцати лет, отец называл ее своей «прекрасной доченькой», а мать выбирала для «любимого чада» красивые платья. Молодость дочери и перспектива замужества сильно подогревали родительскую заботу. Теперь же, когда она вступила в роковой промежуток «среднего возраста» и безнадежно застряла в девках, красивые платьица, «прелестная доченька» и «любимое чадо» ее молодости исчезли вместе с шансами на выход замуж. Ничего не попишешь.

Добравшись в мыслях до этой точки, Диана тихо, не отдавая себе отчета, вздохнула. Она машинально свернула письмо Софи Лэнсинг, но тут заметила, что из конверта выпала на пол полоска газетной бумаги. Диана повернулась в шезлонге и нагнулась, чтобы ее поднять, а подняв, сообразила, что это было то самое объявление на пяти языках, о котором писала подруга. Диана бросила на него рассеянный взгляд, потом присмотрелась повнимательнее – ее интерес привлекли необычные формулировки. Перечитав объявление несколько раз, она в полной мере ощутила его притягательную силу. В газетной вырезке говорилось следующее:

Ученому, занятому очень важной и сложной работой, требуется ассистентка и сотрудница, смелая и решительная женщина зрелого возраста. Она должна обладать хорошими знаниями в области современной науки, не страшиться опасных экспериментов и не бояться риска при поиске открытий, которые могут принести пользу человечеству. Она будет окружена личной заботой, вниманием и учтивостью, за ее услуги будет выплачиваться солидное вознаграждение, ей будут предоставлены полный пансион и проживание в элегантных апартаментах, которые будут находиться в ее полном распоряжении. От нее потребуются полностью посвятить себя на один-два года изучению сложных проблем химии, о которых она должна обязаться никому не рассказывать. Кандидатка должна иметь хорошее образование, особенно в области иностранных языков и литературы, и не быть связанной какими-либо делами, способными отвлечь ее внимание от серьезной подготовки, в которой ей предстоит принять участие. Письменные ответы на это объявление

не принимаются. Каждая соискательница должна лично, без сопровождения явиться с 6 до 8 утра во вторник или пятницу по адресу:

*Д-р Федор Димитриус
Шато Фрагонар
Женева*

Чем больше Диана изучала непонятное объявление, тем более удивительным и захватывающим оно ей казалось. Часы приема соискательниц – с шести до восьми утра – и те были непривычны, все формулировки дышали загадочностью и необычностью.

«Возможно, Софи права, и это всего лишь какая-то ловушка, – подумала Диана, – но, на мой взгляд, предложение выглядит как настоящее. Вряд ли этот доктор Федор Димитриус быстро найдет нужную женщину. Хорошая зарплата и жилье, конечно, звучат заманчиво, однако редкая женщина не испугается риска, связанного с изобретениями и открытиями современной науки. Некоторые из них откровенно ужасны!»

Диана еще раз внимательно прочитала объявление и, поднявшись, заперла его вместе с письмом Софи Лэнсинг в ящике стола. Она просмотрела остальную почту – других интересных писем не было. Одно содержало запрос о характеристике на служанку, другое – вопросы о выкройке блузки, третье – рецепт особенного джема «с любовью к вашей милой доброй мамочке».

Она отложила письма в сторону, заложила руки за голову, сладко потянувшись и невольно еще раз поймала свое отражение в зеркале. На этот раз Диана осталась более довольна собой. Свисающие до пояса волосы были полны света, которому придавали дополнительную яркость проникавшие в окно солнечные лучи; посадка и текучесть белого «домашнего платья» из тонкой монашеской ткани смягчали усталое выражение лица и глаз до уровня, граничащего с милотностью. На мгновение из зеркала выглянул светлый призрак молодой Дианы, пробудивший жгучие слезы сожаления. Легкий стук в дверь прервал невеселый ход мыслей, вошла служанка Грейс Лори с изящным маленьким подносом, на котором стояла чашка чая.

– Я только что отнесла чай в спальню миссис Мэй, – сообщила она, – и подумала, может быть, вам тоже захочется выпить чашечку.

– Вы настоящее сокровище, Грейс! – Диана присела, принимая угощение. – Что мы все будем делать, когда вы выйдете замуж?

Грейс со смехом закинула назад голову.

– Время еще есть, мисс, – ответила она. – Мой жених не торопится, да и я тоже. Стоит выйти замуж, и тебе крышка – никакой больше радости. Тяни до конца своих дней лямку, стирай, готовь, шей, никакого просвета.

Диана с улыбкой посмотрела на камеристку, прихлебывая чай.

– Если таков ход ваших мыслей, вам не следует выходить замуж.

– Ах нет, еще как следует! – Грейс снова рассмеялась. – Такой, как я, нужен домашний очаг и муж, который будет работать вместо меня. Я не боюсь служить до конца своих дней, но лучше обшивать и обстирывать своего мужа, чем кого-то еще.

– Но вы же его любите, не так ли?

– Там нечего особенно любить, – подмигнула Грейс. – С его внешностью на него никто не позарится. Я о любви вообще не думала. Главное, иметь теплый, уютный дом и побольше еды. Хороший муж – это мужчина, который все это может дать и сохранить. А любовь... это все чепуха на постном масле! Я всегда говорила: не думай о мужчине больше, чем о пыли под ногами.

Столь глубокомысленное высказывание вызвало у Дианы прилив веселья. Она смеялась, не в силах остановиться, и смех ее звучал нежно и свежо, как звон колокольчиков. Голос у

нее, как уже говорилось, был очарователен, и когда она говорила или смеялась, рассыпался на маленькие музыкальные рулады.

– Ох, Грейс, Грейс, – выговорила она наконец. – Вы такие смешные слова выбираете. Надо запомнить эту фразу наизусть. Как вы сказали? Не думай о мужчине больше, чем о пыли под ногами? Блестяще! Вы в самом деле так думаете?

Грейс энергично закивала.

– Ну конечно! Я не собираюсь слишком переживать из-за мужчины. В мужчине всегда есть что-то от избалованного ребенка. То, что само дается в руки, он не ценит, а по тому, что не может получить, плачет. Вы увидите, что это так, мисс Диана.

– Да, я думаю, вы правы. Вполне правы, Грейс. – Подняв глаза, Диана медленно и с некоторой грустью сказала: – Вероятно, люди говорят правду: мужчины больше любят плохих женщин, чем хороших, и когда женщина насквозь эгоистична, тщеславна и безрассудна, когда она относится к мужчине с полным безразличием и презрением, он восхищается ею намного больше, чем той, кто любит и хранит верность.

– Точно! – уверенно воскликнула Грейс. – Взять хотя бы миссис Поттер-Барни, ту, что дешевые газетки называют «прекрасной миссис Барни». Я знаю одну горничную, которой другая горничная рассказывала, что эта дама берет пятьсот гиней за поцелуй! А леди Уэстервик берет по нескольку тысяч фунтов за...

Диана вскинула ладонь. Она все еще улыбалась, но уже с оттенком строгости.

– Достаточно, Грейс!

Камеристка виновато кашлянула и замолчала.

– Мать все еще в постели? – спросила Диана.

– Да, мисс. Она пролежит в кровати, пока не позвонят одеваться к ужину. А мистер Мэй заснул с газетой в саду.

Диана опять засмеялась чистым, прелестным смехом. Сонные привычки родителей были потешны и скрашивали быт.

– Ну хорошо, Грейс, – сказала она. – Раз для меня нет занятий, пойду погуляю. Если меня спросят, вы знаете, что сказать.

Грейс, кивнув, вышла. Диана задумчиво допила чай, затем, решив выбросить из головы мысли о прошлом, приготовилась идти гулять. Близился прекрасный вечер, теплый и яркий, и вместо порядком изношенного темно-синего льняного платья Диана надела простое белое – этот цвет шел ей намного больше мрачного индиго, – дополнив наряд простой соломенной шляпкой и белым солнечным зонтиком от солнца. Спустившись вниз, она вышла в сад. Ей не хотелось встречаться с отцом, которого она заметила сидящим в простом кресле на лужайке под широкими лапами кедра. Мистер Мэй дремал, удобно закинув одну ногу на другую и стыдливо прикрыв расстегнутый на животе жилет ежедневной газетой. Возле его носа начала кружиться любопытная пчела, мистер Мэй попытался отогнать ее взмахом руки, открыл глаза и увидел на траве фигуру в белом.

– Кто там? Что там? – резко спросил он. – Кто это крадется, словно привидение? Это ты, Диана?

– Да, я, – ответила она и подошла ближе.

Отец смерил ее небрежным взглядом, фыркнул и язвительно улыбнулся.

– Боже! Как мы расфуфырены! Я уж подумал, какая-то девушка пришла от соседей передать карточку твоей матери. Почему ты в белом? На свадьбу вырядилась?

Диана покраснела до корней прекрасных волос.

– Это одно из моих платьев для стирки.

– Вот как? Я предпочитаю, чтобы ты носила темные тона. Они больше подходят к... твоему возрасту. Белое должны носить только молодые люди.

Мистер Мэй широко зевнул.

– Очень молодые люди, – добавил он, опуская веки. – Попытайся запомнить.

– Миссис Росс-Персиваль носит белое, – тихо возразила Диана. – Ты всегда ею восхищаешься. А ей уже шестьдесят, если не больше.

Мистер Мэй открыл глаза и подскочил в кресле.

– Миссис Росс-Персиваль очень красивая женщина! – огрызнулся он. – Одна из самых красивых дам в обществе. И она замужем.

– О да, она уже бабушка, – с улыбкой пробормотала Диана. – Но ее ты бы не попросил не носить белое.

– Боже мой, разумеется, нет! Это меня не касается. О чем ты? Она не моя дочь.

Диана засмеялась красивым, нежным смехом.

– Совершенно верно, бедный папа. Это было бы ужасно. Будь она твоей дочерью, ты бы выглядел совсем старым. Но ты, возможно, был бы не против, ведь она так красива, на твой взгляд.

Мистер Мэй почувствовал, что над ним иронизируют, и уставился на Диану сердитым взглядом.

– Да, она красива, – твердо заявил он. – Отрицать это возьмется только завистливая женщина.

Диана снова засмеялась.

– Хорошо-хорошо, красива. В парике и во всем остальном.

Диана пошла прочь и, выходя из тени под кедром на освещенную солнцем траву, раскрыла зонтик.

«Совсем от рук отбилась, – подумал ее отец, провожая дочь глазами и с удовлетворением подмечая «манерность» в ее на самом деле естественной походке. – Если она начнет играть в такие игры, с ней никакого сладу не будет. Нет ничего хуже, когда старая дева переходит черту или начинает черт знает что воображать о себе. Чего доброго, еще решит, что в нее кто-то влюбился!»

Он презрительно фыркнул и приготовился снова предаться дреме. Тем временем Диана вышла из сада и ровным шагом направилась быстро, но без спешки к берегу моря. В этот послеобеденный час пляж был особенно мил – начался прилив, длинные, сверкающие волны набегали одна на другую гладкими полосами серебра. Участки мокрого песка сияли чистым золотом. В воздухе были разлиты нега и тепло, но не ощущалось духоты. Подняв глаза к мирному голубому небу, выгнутому над мирным голубым морем, словно защитный купол, одинокая женщина на мгновение еще острее почувствовала свою ненужность. Она болезненнее, чем когда-либо, ощутила: ей не к кому обратиться за добрым словом. По крайней мере, в собственном доме не к кому. У нее было мало друзей, Софи Лэнсинг – самая близкая подруга, но Софи вела настолько активную жизнь и направляла свою энергию в такое количество русл, что с ней невозможно было по-настоящему сблизиться или поддерживать постоянное общение.

«Пока я жива, – мысленно произнесла Диана, – до меня никому не будет дела. Это следует четко понять. А когда я умру, то, если попаду в рай, там тоже никому до меня не будет дела, а уж в аду тем более». Мысль ее насмешила, но на глаза навернулись слезы. «Как странно не иметь никого на земле, в раю или в аду, кому ты была бы нужна. Интересно, много ли таких, как я? А ведь я никогда не делала ничего дурного или злого, чтобы заслужить такую нелюбовь».

Она вышла к маленькой, глубокой бухте, живописно окруженной высокими, массивными скалами с вершинами, покрытыми ползучими растениями, травой и цветами. Хотя море не волновалось, прилив, зажатый узким входом в бухту, превращался в довольно напористые волны, набегавшие и отступавшие с мелодичным гулом и шипением. Идти дальше было опасно и неразумно. «Любая такая волна в одно мгновение унесет тебя прочь», – подумала Диана и поднялась по пляжу дальше последних отметин, оставленных водой, чтобы присесть на обломки старой лодки. Она сидела, позволяя бродить в голове туманным мыслям о вероятном

будущем. Идея поездки к Софи Лэнсинг выглядела вполне приемлемой, но Диана прекрасно знала, что родители примут ее в штыки. Мать скажет, что не сможет без нее обойтись, а отец недовольно заявит: «Я для кого снимал этот дом на море? Я снял его из чистого добросердечия и бескорыстия, чтобы ты и твоя мать могли провести здесь лето, а ты вдруг решила уехать. Хороша награда за мою доброту!»

Если бы кто-нибудь заметил, что, снимая дом у моря, он думал только о собственном удобстве и выбрал его главным образом потому, что рядом находились поле для гольфа и клуб с бильярдной и что он при этом вообще не брал в расчет жену и дочь, он бы страшно возмутился. Мистер Мэй всегда видел себя исключительно в ореоле справедливости, щедрости и благородства. Диана хорошо изучила его «слабости», одновременно смеясь над ними и досадуя на них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.